

Ангел-хранитель дома Сеницыных

Роза Хуснутдинова

Роза Хуснутдинова — прозаик и кинодраматург. Она автор сценариев более тридцати игровых и мультипликационных фильмов, многие из которых были отмечены отечественными и международными премиями (в том числе — «Бабочка», «Балерина на корабле», «Рождественская фантазия»), пяти книг прозы (среди них — «Он прилетал лишь однажды», «Папа тучка мама солнце», «Лягушка, которая сумела стать царевной»). Впрочем, читателям «Семьи и школы» писательницу можно было бы и не представлять: на страницах журнала ее парадоксальные и притчевые рассказы и сказки печатались не раз

Звякнул замок входной двери, Федины шаги раздались уже на лестничной площадке; лифт, громыхнув, остановился на этаже и поехал вниз, увозя Федю с собой.

— Мается ребенок, — вздохнула фарфоровая солонка, стоявшая на кухонной полке.

— Плохо спит по ночам, — скрипнула китайская чайница.

— Перестал кататься на велосипеде, — пробурчал из прихожей прадедушкин стул.

— Наверно, опять двойку получит, — прошелестела со стены старинная рама без картины.

— Перестал играть в теннис! — пропели струны ракетки. — А ведь какие мячи мы с ним вколачивали!

— Помолчите, — сказала фарфоровая солонка. — У вас нет права голоса. Разговаривать здесь могут старинные вещи, а вам, кажется, года три всего, недавно из магазина.

Теннисная ракетка обиженно замолчала.

— Мальчик грустит с тех пор, как его папа и мама поссорились, — вздохнула солонка.

— А почему Федин папа ушел из дома? Да еще и Ксеркса с собой увел. А ведь Федя так привязан к этой собаке! — сказала китайская чайница.

— Если вы про ту противную овчарку, которая изгрызла мою ручку... — попыталась снова вступить в разговор ракетка.

— Да замолчите же вы наконец! — возмутилась чайница.

— Это Федина мама виновата! Это Изольда меня без картины оставила, — вздохнула старинная рама. — Теперь я показываю не Федино прадедушку, боевого генерала Афанасия Кузьмича Сеницына, а вылинявшие обои. И как можно было продать ангела-хранителя дома! Без него всё идет кривь и вкось.

— Федин папа без работы остался, — объяснила фарфоровая солонка. — Вертолет, которым он управлял, развалился на части. Но это не по его вине, а оттого, что срок годности машины вышел. Счастье, что он успел посадить вертолет раньше, чем тот развалился.

— Дмитрий прекрасно управлялся с машиной. Я сам с ним летал, — подал голос английский термос, стоявший на кухонной полке рядом с солонкой. — Однажды он Федю

взял с собой. Мальчику так понравилось! Они летали над Лосиным островом.

Федин папа, Дмитрий Сеницын, не жил дома вот уже месяц. После того как развалился его вертолет, начальник уволил его. Дмитрий попытался устроиться на другую работу, но долго не мог ее найти.

И вот тогда-то Изольда отнесла портрет прадедушки в художественный салон. Когда вечером Дмитрий вернулся домой и увидел на стене пустую раму, он удивился и спросил, куда же подевалась семейная реликвия Сеницыных. Федина мама ответила, что продала картину: очень нужны были деньги...

В тот же вечер Дмитрий Сеницын ушел из дома. Теперь он жил у своего друга, бортмеханика Терентьева. С сыном виделся по воскресеньям и когда Федя сам приходил его. Дело в том, что Дмитрий устроился наконец на работу — подстригал траву в ближних дворах. Выйдя из школы, Федя не шел домой, а находил папу по жужжанью газонокосилки. Ждал, когда тот сделает перерыв. Усевшись на какой-нибудь скамейке на детской площадке, они перекусывали бутербродами, пили чай из английского термоса, который Федя приносил с собой. Ксерокс резвился рядом, валялся на скошенной траве, бегал за брошенной палкой. Через полчаса папа возвращался к работе, а Федя отправлялся домой.

Когда Федя после школы не шел искать папу, а сразу возвращался домой, к нему заходила соседка Ксения Петровна, кормила обедом, сидела рядом, пока он делал уроки. Изольда попросила ее приглядывать за сыном.

Ксения Петровна знала Федины родственники и часто рассказывала про них.

— Фарфоровую солонку и китайскую чайницу принесла в дом твоя прабабушка Мария Львовна, когда вышла замуж за Афанасия Кузьмича. Стул, что стоит в прихожей, — твоего дедушки. Раньше он стоял вместе с пятью стульями в большой комнате вокруг стола из красного дерева. Те стулья в негодность пришли, а этот, последний, держится, молодец! Термос тоже старинный, его подарил твоему прадедушке английский офицер из союзных войск. Они встретились в Берлине после победы. Афанасий Кузьмич подарил англичанину свою фляжку, а тот ему — термос.

Ксения Петровна доставала с полки семейный альбом Сеницыных.

— Вот твой двоюродный дядя, Василий Михайлович, он открыл какой-то микроб, полезный для человека. А эта красивая женщина в длинном шелковом платье, с высокой прической — Анастасия Сеницына, петербургская актриса.

Вещи в комнате перешептывались.

— Хорошо, что Ксения Петровна знает Федины родственники. Даже Дмитрий Сеницын меньше осведомлен о своей родне, чем эта женщина, — тихо говорила фарфоровая солонка.

— Но ведь она прожила здесь всю жизнь, ей уже за восемьдесят, — напомнила китайская чайница.

— Жаль, что у нее никого нет, только племянница в Таганроге, — поскрипывал стул в прихожей. — Помню, приезжала раз, кудрявенькая такая, на флейте играла.

— Мне нравится, что Ксения Петровна любит Федю! — вступала в разговор теннисная ракетка.

— А вас никто не спрашивает, — останавливала ее фарфоровая солонка.

Исчезновение портрета из рамы очень расстроило Ксению Петровну.

— Как же так! Как можно было продать семейную реликвию. Портрет был ангелом-хранителем дома. И так славно смотрелся на стене. Мне всегда казалось, что Афанасий Кузьмич смотрит на меня, в каком углу комнаты я ни находилась бы. Замечательный портрет написал его друг-художник.

Феде тоже было жаль, что портрет исчез со стены. Как часто взглядывал он на прадедушку, когда рисовал, писал или просто сидел на диване! Ему даже казалось, что прадедушка улыбается ему или кивает головой. Когда он оставался дома один, он разговаривал с портретом.

— Смотри, прадедушка, я нарисовал поезд, нравится?

Или обращался к своему Ксерксу:

— Что ты скулишь, прадедушке это не нравится.

И вот теперь Ксения Петровна сокрушалась:

— Нельзя было уносить портрет из дома! Потому и Дмитрий ушел, обиделся.

— А если портрет вернется домой, папа тоже вернется? — спросил Федя.

— Думаю, да, — кивнула головой Ксения Петровна.

После этого разговора Федя отправился искать художественный салон, в который мама могла отнести картину. Но прохожие про такой ничего не слышали. Вспоминали, что есть поблизости мебельный салон и салон люстр, но вот художественный...

В воскресенье за Федей приходил папа, уводил гулять.
— Куда сегодня пойдете? — строго спрашивала мама.

— На выставку, — отвечал папа.

— Что будете делать? — продолжала мама так же строго.

— Покатаемся на чертовом колесе, посмотрим на Останкинский пруд, посидим у фонтана. А может, зайдём в павильон авиации, посмотрим новые модели.

— Чтобы к пяти были дома, — говорила мама.

Феде казалось, что мама хочет, чтобы папа позвал гулять и ее. Но папа не звал. Он все еще сердился на маму из-за портрета и не хотел с ней мириться.

Изольда занималась продажей билетов на самолеты.

— Куда только люди сейчас не летают! — вздыхая, говорила она Ксении Петровне. — Кто на Кипр, кто в Египет, кто в Анталию. Наслаждаются люди жизнью, не то что мы с вами. Пассажир пошел нынче требовательный. Если самолет улетит не вовремя, люди деньги хотят вернуть. Но у нашего Аполлона Никитича не так-то легко этого добиться. Он от пассажира столько справок требует, что тот отступает.

— А кто этот Аполлон Никитич?

— Начальник нашего отдела, — отвечала мама. — Акционер компании. Представительный мужчина.

Этот представительный мужчина стал делать маме подарки. То коробку конфет подарит, то духи. Однажды мама принесла домой лампу в виде танцовщицы-негрятки с поднятой рукой. Сказала, что получила премию и решила купить что-нибудь особенное. Лампу помог ей выбрать в салоне Аполлон Никитич, он сказал, что вещь старинная, из эбенового дерева.

— Никакое это не эбеновое дерево! — засмеялась Ксения Петровна. — Это пластмасса, сейчас многие делают из нее вещи под старину. Вот ваша китайская чайница действительно из бронзы. И фарфоровая солонка настоящая!

— Какая разница, старинная вещь или не старинная, если никто различить не может! — рассердилась мама.

— Почему же никто? Кто разбирается, тот различает, — улыбнулась Ксения Петровна.

Однажды мама не пустила Федю гулять в воскресенье с папой. Сказала, что они поедут в гости на дачу к Аполлону Никитичу.

В его двухэтажном, из красного кирпича дачном доме, обнесенном высоким забором, было множество комнат. Мебели — как в мебельном магазине, кругом зеркала.

Собаки у Аполлона Никитича не было, кошки — тоже, зато была девочка по имени Эля. Худая, бледная, с торчащими в разные стороны косичками, она

молча уставилась на Федю, когда тот поздоровался, потом взяла его за руку и повела в комнату, заваленную игрушками.

— У тебя такая есть? — спросила она, показывая на огромную плюшевую обезьяну, сидевшую на розовом диване. — Нет? А Мальвина?

Федя отрицательно покачал головой.

— А панда? — Эля вытащила из кучи игрушек в углу белого в черных пятнах медвежонка.

— Нет.

— Что же у тебя есть?

— Велосипед. Теннисная ракетка. А еще термос, который подарил прадедушке английский офицер. Есть солонка, которой сто лет, прадедушкин стул. Был прадедушкин портрет, на стене висел, но теперь его нет, мама продала.

— Почему?

— Деньги нужны были.

— Тебе жалко, что портрета нет?

— Да. Он был ангелом-хранителем нашего дома.

— А мы каждый год мебель меняем, — вздохнула Эля. — Папа так любит.

Потом она повела Федю в подвал, где перед дверью в сауну стояло большое кресло черного цвета. Эля посадила в него Федю, нажала какую-то кнопку на подлокотнике, что-то зажужжало, и по Фединой спине забегала, похлопывая ее, чья-то рука.

От неожиданности Федя выскочил из кресла.

— Что ты так испугался? Это массажное кресло. Папа каждый день в нем сидит, массирует свою спину, — засмеялась Эля. — Садись, лопаточка тебя еще пощекочет!

Но Федя наотрез отказался. Тогда они побежали во двор и стали играть там в мячик, качаться на качелях.

В следующее воскресенье Аполлон Никитич с Элей сами приехали в гости к Синицыным. Изольда испекла пирог с яблоками, Аполлон Никитич принес огромный торт с башенками из темно-коричневого шоколада.

В тот день гостю не везло. Мама протянула Аполлону Никитичу через стол солонку, чтобы тот посолил салат, — соль просыпалась прямо на торт. Мама решила заварить чай, — китайская чайница с замечательным чаем куда-то запропастилась, и заваривать пришлось тот, что попался под руку.

Когда после чая Аполлон Никитич присел на стул у стены, заведя светский разговор с Изольдой и Ксенией Петровной о том, как трудно быть акционером и как нужно все время быть настороже, на него свалилась старинная рама от картины. А когда он, уходя, попытался в прихожей опереться на прадедушкин стул, чтобы удобнее было надевать ботинки, стул покачнулся, и гость чуть было не упал.

— Это ты все подстроил! — напустилась мама на Федю, когда гости ушли.

— Ну что вы, Изольда, просто вещи в доме не приняли вашего гостя, пусть даже он представительный мужчина и акционер, — сказала Ксения Петровна. — Вы бы лучше с Дмитрием помирились.

— Ни за что! — воскликнула Изольда. — Дмитрий сам ушел, его никто не выгонял.

— Но ведь вы обидели его, продали портрет его дедушки. Надо вернуть в дом семейную реликвию. Давайте выкупим картину. Я могу вам помочь, у меня есть кое-какие сбережения, оставила на черный день... В каком салоне портрет?

— Ни в каком, — отрезала мама.

Ксения Петровна обиделась и ушла к себе.

Аполлон Никитич больше у них в доме не появлялся, зато Эле у Синицыных очень понравилось, и она попросилась в гости еще раз, только одна, без папы. Ее привез на длинной черной машине его водитель.

Эля, как и Федя, училась в первом классе. Они вместе уселись за стол и стали делать уроки. Потом Ксения Петровна накормила их обедом: борщом, котлетами и компотом из груш.

Она была ласкова с Элей, уговаривала ее есть побольше, спрашивала, кто же кормит ее дома, — ведь папа, наверное, весь день на работе. Эля сказала, что к ним приходит домработница Нина, но с Элей она почти не разговаривает. Покормит обедом, вымоет посуду, почистит пылесосом ковер и садится читать детектив Марининой.

Ксения Петровна, слушая Элю, вздыхала, потом заплела ей косички так, чтобы они не торчали в разные стороны. Сходила к себе; вернулась, держа в руке коралловые бусы.

— Вот, попробуй надеть, Элочка, думаю, тебе будут как раз, — предложила она, протягивая их девочке. — Правда, красивые? Я носила их тридцать лет, но как-то на улице нитка порвалась и бусы рассыпались. Сколько удалось собрать, но теперь они мне не годятся. Возьми!

— Спасибо. — Эля положила бусы в кармашек платья.

Федя увидел, что она обрадовалась, старалась прижаться к Ксении Петровне, не отпустила ее руку.

— Значит, этой солонке сто лет? — спросила Эля, когда они сели пить чай. — А это та самая китайская чайница?

Внимательно разглядывала она и фотографии в семейном альбоме, слушала, что говорит Федя про прадедушку с прабабушкой, про дядю, открывшего полезный микроб, про петербургскую актрису Синецину...

— А мы просто Пенкины, — грустно сказала Эля, закрывая альбом. — Папа и я. У нас даже семейного альбома нет. И ни про каких родственников я не знаю.

— Ну как же так! — засомневалась Ксения Петровна. — У тебя должны быть родственники, надо только хорошенько поискать.

— Маму я не помню, она умерла, когда я маленькая совсем была, — помолчав, сказала Эля. — Папа ее фотографии в шкаф спрятал и не достает, говорит: не хочу расстраиваться. А мама сестра живет далеко. У папы есть ее адрес, но он говорит, что переписываться незачем, все равно она к нам не придет.

— А как зовут твою тетю? — спросила Ксения Петровна.

— Марианна Александровна.

— Какое красивое имя! Видишь, ты знаешь, как зовут твою тетю, уже хорошо!

Ксения Петровна задумалась, потом сказала:

— Элочка, а может, у твоей тети осталась какая-то вещь от твоей мамы? Брошка, колечко, серебряная ложка... Как было бы чудесно, если бы у тебя было что-то от нее! Семейная реликвия, так сказать. Это так согревает душу! Спроси все-таки у папы адрес тети и напиши ей письмо, вдруг она откликнется.

Потом Ксения Петровна спросила Элю, не хочет ли та заниматься музыкой, учиться играть на фортепиано, — она могла бы давать ей уроки. Если, конечно, Эля будет приезжать к ней: сама она из дома далеко не выезжает.

Эля сказала, что музыкой заниматься хочет, и пианино у них дома есть, и приезжать она может — папин водитель будет ее привозить.

Тем временем в городе наступила осень. Папа уже не косил газоны, а работал кровельщиком. Вместе с напарником Дмитрий Синецин поднимался на крышу какого-нибудь дома, разводил там в жестяном ведре горячую смолу и латал прорехи в кровле. В этом районе было много девятиэтажных, двенадцатиэтажных и семнадцатипятиэтажных домов, у которых прохудилась крыша.

Теперь Федя искал папу не по жужжанию газонокосилки, а задирая голову и глядел, не виднеются ли где-нибудь на крыше две маленькие фигурки, одна из которых могла быть его папой.

Найдя папу, Федя поднимался к нему. Правда, сделать это было нелегко: надо было через запертую дверь подъезда проникнуть внутрь, подняться в лифте на са-

мый верхний этаж, найти вход на чердак и долго пробираться по этому пыльному чердаку к дверце, ведущей на крышу.

Папа всегда радовался, увидев Федю, но от дверцы отходить ему не разрешал. Федя ждал, когда в папиной работе настанет перерыв, и тогда они усаживались рядышком в безопасном месте, разглядывали окрестности, закусывали бутербродами с колбасой и пили чай из английского термоса.

— Пап, здесь такая же высота, как когда летишь в вертолете, да? — спрашивал Федя.

— Да, высота примерно такая же, — кивал папа.

— А как Ксеркс? Я по нему скучаю, — признавался Федя.

— Нормально. Я его дома оставляю, потому что он высоты боится.

— А я не боюсь, — улыбался Федя.

Папа обнимал его за плечи, ерошил волосы.

— Ты у меня молодец. А как Ксения Петровна? Заходит к вам? Кормит обедом? Не болеет?

— Заходит, кормит, не болеет, — отвечал Федя. — И мама тоже не болеет.

Папа умолкал, отворачивался. Федя понимал, что про маму лучше не говорить, пока он все еще не простил ее.

— Пап, а если эта работа кончится, ты кем пойдешь работать?

— Ну, я многое умею. Могу работать слесарем, столяром, заправщиком на колонке... Никакой работы не надо бояться, понял?

— Понял, — кивал Федя.

Папа молчал, потом говорил:

— Я заявление написал в комиссию, чтобы разобрались в том случае. Я же не был виноват. Пусть восстановят. Я хочу летать!

Федя вздыхал.

— И я хочу летать, папа. Помнишь, как мы вместе с тобой летали? Когда тебя послали облететь Лосиный остров, чтобы посмотреть, нет ли где пожара?

Папа прижал к себе Федю и сказал:

— Еще полетаем! Прорвемся!

Как-то, выйдя из школы и не увидев нигде папу, Федя отправился к Терентьеву, дяде Коле, у которого жил папа. Жилье Терентьева находилось в двух остановках от дома Синециных, можно было дойти пешком.

Федя уже почти дошел до цели, как вдруг из-за угла, громко лая, вылетел Ксеркс. Подбе-

жал к Феде, прыгнул ему на грудь, чуть не повалив наземь, стал лизать его лицо.

А потом из-за угла показался и сам дядя Коля.

Подошел, рассмеялся, увидев, как Ксеркс облизывает Федю, сказал:

— Да, соскучился, видать! Меня он так не лижет.

— Здравствуйте, дядя Коля! — сказал Федя. — Я искал папу, не нашел.

— А он сегодня на прежнюю работу поехал, на заседание комиссии, — ответил Терентьев. — Поздно вернется. А я вот вышел погулять с Ксерксом, потом отправлюсь на работу. Давай сделаем круг, побудешь с Ксерксом немного, видишь, как он соскучился. А потом тоже отправись по своим делам.

Федя кивнул, и они пошли по улице.

— Я в автосервисе теперь работаю, — сказал дядя Коля. — Чиню всякие машины. Ну и неаккуратные нынче водители пошли! Врезаются друг в друга по-страшному, вмятины и сбоку, и сзади, и фары вдребезги... Совсем не берегут свои машины! Работы у меня много, платят хорошо. Да все же, Федя, никакой «Мерседес» или там «Вольво» не сравнится с вертолетом, на котором мы с твоим папой летали. Да, старая была машина, но ведь начальству думать надо было, вовремя купить новую. Ну, бог милостив, разберутся, снова будем с Митей летать...

Вдруг Ксеркс ухватил Федю за полу куртки и потянул к магазину, мимо которого они проходили. На магазине была вывеска «Итальянская мебель».

— Ксеркс, куда ты меня тащишь, нам не туда, — упирался Федя.

Но овчарка все тянула и тянула его к дверям магазина, возле которых стоял охранник в униформе и вычищенных ботинках.

— Вы куда? С собаками вход воспрещен! — двинулся охранник в сторону Феде и Ксеркса. — И почему собака без намордника?

Ксеркс отпустил Федю куртку и шмыгнул внутрь.

— Куда? Куда? — побежал за ним охранник. — Мальчик, забирай свою собаку.

Федя и оторопевший дядя Коля вбежали в магазин и стали вертеть головами.

— Вот он! — крикнул Федя и побежал по длинному щему проходу мимо гарнитуров столовых, спален, кабинетов и холлов.

Ксеркс остановился в самом конце зала.

— Что ему надо? — бормотал дядя Коля. — Вроде я его покормил, и мясом, и кашей. Что он здесь вынюхал-то? За Федей и дядей Колей бежали продавец и охранник, этот все свистел в милицейский свисток.

Ксеркс стоял неподвижно, подняв морду. Федя побежал к нему и остановился. На стене он увидел порт-

рет Афанасия Кузьмича Синецины. Здесь был выставлен гарнитур кабинета-библиотеки; между книжными шкафами в пустом проеме и висел портрет.

Наконец продавец ухватил Федю за рукав и строго спросил:

— В чем дело, парень?

— Это мой прадедушка, — сказал Федя, указывая на портрет.

— Какой еще прадедушка? — удивился продавец и растерянно оглянулся.

По проходу к ним шла женщина с сиреневыми волосами, в изящных туфельках, тоже в униформе.

— В чем дело, мальчик? — спросила она вежливо.

Федя не сразу ответил, а молодой продавец развел руками:

— Он утверждает, что вот это портрет его прадедушки.

Женщина растерянно заморгала, посмотрела на Федю, на портрет, потом сказала:

— Ну что ж, может быть. Они действительно похожи. Но этот портрет мы приобрели в салоне. У нас и квитанция есть. В нашем магазине много картин, если вы заметили. С цветами, пейзажи, обнаженная натура. Покупателям нравится, когда рядом с мебелью висит картина. Быстрее покупают товар. А теперь покиньте магазин, прошу вас!

— А сколько стоит картина? — выступил вперед взволнованный дядя Коля. — Это ж такой случай! Собака нашла родственника хозяев. Рекорд Гиннеса, можно сказать!

— Пятьдесят тысяч, ценник на картине. Пожалуйста, покиньте помещение, если не будете покупать, — сказала женщина.

И вдруг Ксеркс подбежал к стене, высоко подпрыгнул, поддел картину мордой, ухватил зубами край рамы и вместе с картиной побежал к выходу.

Федя и дядя Коля побежали за ним. Охранник тоже бежал по проходу, держа в вытянутой руке выхваченный из-за пояса пистолет.

— Не стреляй! — кричал дядя Коля. — Убери свой пистолет! Не стреляй, дурень!

— Ксеркс, стой! Ко мне! — кричал Федя.

У дверей Ксеркс остановился, обернулся и подождал Федю.

— Мальчик, забери у собаки картину. А то я вызову милицию, — сказала, подойдя к ним, женщина.

— Ксеркс, — Федя погладил морду овчарки, осторожно потянул картину к себе.

Подошедший дядя Коля помог ему, протянул картину женщине. Потом обнял Федю за плечи, и они вместе с Ксерксом покинули магазин.

Федя был очень бледен, губы у него дрожали. Ксеркс ткнул мордой ему в бок и отошел в сторонку.

— Эх! — со злостью стянул с головы вязаную шапочку, взъерошил пятерней волосы дядя Коля. — Жизнь, понимаешь! Ничего, Федь, найдем деньги и выкупим портрет. Завтра же и выкупим! Есть у меня один план.

И, надев на Ксеркса ошейник, дядя Коля попрощался и отправился к своему дому. Федя отправился к своему.

Мамы дома не было. За стеной брэнчало пианино, это Эля разучивала с Ксенией Петровной гаммы.

Федя лежал на диване и смотрел на стену, где висела пустая рама.

Вещи в квартире начали переговариваться.

— Как он бледен! — вздохнула фарфоровая солонка. — Его прадедушка тоже так бледнел, когда расстраивался.

— Как бы не заболел! — сказала китайская чайница.

— Молодец Ксеркс! Нашел-таки Афанасия Кузьмича, просипел прадедушкин стул из прихожей.

— Мальчик теперь совсем, совсем не играет в теннис! — жалобно сказала теннисная ракетка.

Никто не сделал ей замечания.

— И что это Ксения Петровна не идет кормить мальчика обедом? — вздохнула солонка. — Хоть поговорила бы с ним, успокоила!

Ксения Петровна появилась в квартире через минуту. Открыла своим ключом дверь и спросила, входя:

— Федя, ты дома? А у меня Элечка! Принимай гостей. Сейчас будем обедать.

Федя молча смотрел на нее и на Элю, даже с дивана не поднялся.

— Что с тобой? — направилась к нему Ксения Петровна. — Ты такой бледный. Заболел?

Эля тоже подошла к нему, улыбнулась:

— А я уже двумя руками гаммы играю!

Федя ничего не ответил.

— Да что случилось? — всполошилась Ксения Петровна.

— Ксеркс нашел портрет прадедушки в мебельном магазине, сказал Федя. — Там ценник стоит. Пятьдесят тысяч.

Ксения Петровна всплеснула руками.

— Нашел! Но это же чудесно! Ведь мы можем его выкупить!

Федя непонимающе смотрел на Ксению Петровну.

— Я же говорила, что могу помочь. У меня есть кое-какие сбережения, на черный день. Выкупим, а твои родители отдадут долг когда-нибудь потом, когда у них появятся деньги. Да ведь я знала Афанасия Кузьмича всю жизнь! Я друг семьи или не друг, а, Феденька? Решено! Сейчас же идем в магазин выкупать портрет!

— И у меня есть деньги! — заявила Эля. — Папа велел водителю после урока музыки ехать в магазин и купить массажное кресло, старое сломалось. А мы лучше не кресло купим, а портрет. Вот здорово будет! Едем! Машина внизу стоит.

И в это время открылась дверь, и вошла мама.

— Куда это вы собрались? — удивилась она. — И что это у вас вид такой заговорщицкий?

— Ксеркс нашел портрет Афанасия Кузьмича, и мы сейчас едем его выкупать, — непрерываемым тоном сказала Ксения Петровна.

Мама опустила на стул и закрыла лицо руками.

— Да выкуплю, выкуплю я портрет сама! — воскликнула она.

Подошла к книжной полке порылась среди книг и достала из одной пачку денег.

— Вот, думала, накоплю денег, может, машину купим, будем, как люди, с машиной... Дмитрий обрадовался бы... Но раз вы все так хотите... Ждите!

И мама накинула на плечи пальто и выбежала из квартиры.

Через полчаса она появилась снова, держа в руках завернутую в бумагу картину. Она освободила ее из позолоченной рамы, вставила в прежнюю и, встав на стул, повесила портрет на старое место.

— Ура! — воскликнула Ксения Петровна. — Ура Афанасию Кузьмичу!

— Ур-ра! — закричала и Эля.

Федя молчал.

— Ну что ты, вот же, вот же портрет! Висит на прежнем месте! — заволновалась мама, подошла к дивану и села рядом с Федей.

Тот отвернулся к стене.

— Феденька, ну прости, прости меня, я не подумала! — всхлипывала мама.

— Папа-то как обрадуется! — сказала Ксения Петровна. — Надо ему скорей сообщить.

И тут открылась дверь, вбежал Ксеркс, а за ним вошел и папа. Ксеркс сразу же кинулся к Феде, стал прыгать возле дивана, лизать Федины руки, лицо.

— Я за Федей зашел, дядя Коля внизу ждет, сказал папа и вдруг замер, увидев на стене портрет.

— Как? Уже выкупили? А мы с Колей хотели... Мы заняли...

— Митя, прости меня! — кинулась к нему Изольда.

Федя повернулся, посмотрел на родителей. Папа заметил его вопрошающий взгляд и обнял маму.

— Ладно, не переживай, все обошлось.

— Господи, да мне же посылка пришла, из Таганрога, от племянницы! Она мне чай какой-то особенный прислала. Таганрогский, что ли? Есть такой чай? Надо попробовать! — воскликнула Ксения Петровна. — Сейчас принесу. Будем пить чай.

В тот вечер долго сидели за большим столом. Эля никак не хотела уходить, за ней уже два раза поднимался водитель, но она все отказывалась ехать домой.

Папа рассказал, что его восстановили на прежней работе. Комиссия наконец разобралась с его делом, выяснила, что он не виноват. Авиакомпания купила новую машину, и теперь Дмитрия Синецкого звали опробовать ее.

Ночью, когда в квартире погас свет и слышались лишь вздохи Ксеркса, спавшего на полу под портретом прадедушки, вещи начали перешептываться.

— Ну, слава богу, все обошлось! — прошептала фарфоровая солонка. — Как мальчик сокучился по отцу!

— Мать наконец поняла свою ошибку, — вздохнула китайская чайница.

— Хорошо, что Дмитрий Синецкин снова будет летать! — проскрипел прадедушкин стул в прихожей. — Я горжусь им.

— И Федя снова будет играть в теннис вместе с папой! — воскликнула ракетка.

Никто не остановил ее, не сделал замечания, хоть она и не имела права голоса, не была старинной вещью, как остальные. Все же сегодня в доме был праздник, вся семья в сборе, и всем хотелось только радоваться, а не ругать кого-то.

Воскресенье Дмитрий взял с собой сына на дежурный облет. Уже выпал снег, и внизу расстились искрящиеся на солнце поляны, блестя лентой еще не замерзших, текучих ручьев, чернел темный зимний лес.

Федя посмотрел в окошко и воскликнул:

— Пап, смотри, лось! Вон он, по поляне бежит. А теперь в деревьях скрылся!

— Что ж ты удивляешься Федей? Ведь под нами Лосиный остров. Значит, и лось здесь! — ответил папа.